

Россия, большевизм и Польша в творчестве Юзефа Мацкевича

Влодзимеж Болецки

Я не ставлю себе цели убедить кого-то в своих взглядах,
заранее предполагая, что существуют серьезные аргументы,
которые могут подвергнуть сомнению
многие из моих собственных представлений.

Юзеф Мацкевич, «Победа провокации»

Как писатель Юзеф Мацкевич (1902 – 1985) был в Польше практически неизвестен до середины 80-х, до тех пор, пока его не открыл самиздат. И в настоящее время книги Мацкевича относятся к наиболее часто переиздаваемым произведениям литературы эмиграции, занимая второе место после книг Чеслава Милоша. После падения коммунистического режима в Польше в 1989 г. о сочинениях Мацкевича говорили редко, часто о них специально умалчивали. Причиной этого был его непримиримый антикоммунизм, который привел к тому, что у писателя появилось множество врагов – и в ПНР и в эмиграции. Ситуация радикально изменилась лишь в начале XXI в., когда имя Мацкевича стало часто появляться в польских СМИ. Сегодня его книги считаются классикой польской литературы XX в. Учреждена даже престижная частная литературная премия, носящая его имя. Но все это не изменило того факта, что о творчестве Мацкевича продолжается бурная дискуссия, тема которой неизменна – бескомпромиссный антикоммунизм писателя.

Юзеф Мацкевич всю свою жизнь вел идейный спор со всеми теми, кто формировал польское общественное мнение. Он был писателем-одиночкой – не только в жизни, но и в понимании своей литературной деятельности, девизом которой стали его слова: «меня интересует только правда». Мацкевич не признавал никаких запретов, являвшихся в его понимании прямым следствием цензуры человеческой мысли и триумфа политики в жизни общества. Название одной из его книг – «Об этом нельзя говорить громко» – кратко характеризует эту ситуацию. Сам же Мацкевич своим творчеством доказывал противоположное – нужно говорить громко. Темой всей его жизни стала тема коммунизма и его влияния на ситуацию в странах Восточной Европы и во всем мире.

Являясь идеологическим антикоммунистом, он видел свою задачу в защите истины и свободы. Антикоммунизм для Мацкевича – не временная политическая позиция, а мировоззрение, иначе говоря, общая гармоническая позиция человека по отношению к миру, включая, как его этические, философские, исторические воззрения, так и жизненные поступки.

Центральным моментом антикоммунистического мировоззрения Мацкевича стало противопоставление русской культуры и большевизма, России и СССР. Мацкевич был восторженным поклонником русской культуры и в то же время ненавидел большевизм, он был одновременно и глубоким русофилом и глубоким антикоммунистом. Это противопоставление определяет оригинальность его мысли во всей польской (а также европейской) литературе, склонной чаще всего, либо отождествлять большевизм с рускостью, или же рассматривать его как прямое продолжение русскости.

Русская тема – «сквозной» мотив творчества писателя, присутствующий в его романах, рассказах, политических статьях и воспоминаниях. Для полного освещения этой темы необходимо было бы написать большую книгу. Поэтому остановлюсь только на основных сюжетах: одних коснусь только общим взглядом, а о других скажу более подробно на примере двух романов писателя.

Юзеф Мацкевич родился 1 апреля 1902 г. в Санкт-Петербурге. С 1907 г. жил в Вильно. Учеником VI класса гимназии 1 января 1919 г. вступил добровольцем в полк уланов Белорусско-Литовской дивизии. Прошел всю войну 1919–1920 гг.; участвовал в обороне Варшавы в 1920 г., был ранен в битве под Оранами, попал в литовский плен. После освобождения поступил в Варшавский университет. В 1922 г. вернулся в Вильно, а в 1923 г. начал работать в газете «Слово», которую редактировал его брат Станислав Мацкевич. Публиковал фельетоны, статьи и репортажи, в которых, прежде всего, уделял внимание историческому, культурному и политическому своеобразию земель бывшего Великого княжества Литовского. Критиковал польскую администрацию за непонимание национальной проблематики на восточных окраинах. Анализировал политическую ситуацию в прибалтийских государствах и коммунистическую политику в Советской России. После вступления на территорию Польши Красной армии, 18 сентября 1939 г., уехал в Ковно, где вскоре, в октябре откликнулся на вест о передаче Вильно литовцам статьей, в которой выразил радость по поводу быстрого отступления большевиков из Вильно. Его тогда обвинили в антипольскости и пролитовскости. С осени 1939 г. до весны 1940 г. редактировал в Вильно „Gazeta Codzienna” – газету антинационалистической и антисоветской направленности, в

которой пропагандировал так называемую «идею отечества». Идея отечества появилась в XIX веке на Виленщине и развивалась до 1939 года на страницах „Gazeta Wileńska”, „Przegląd Wileński”, „Gazeta Codzienna”. Ее смысл заключался в признании культурного, географического и исторического своеобразия Виленщины ("отечества"), которая воспринималась, как нечто более важное в сравнении с административными делениями и государственными границами. Последователи „идеи отечества” („крайовцы”) считали, что население этой малой родины объединяют узы общей территории и истории и ни один народ ее населяющий, не имеет права считать ее своей исключительной собственностью. Крайовцы не принимали возвышения одной расы, народа, языка или религии над другими. Они считали, что из „отечества” нельзя никого изгнать, нельзя стремиться к ассимиляции остальных, так как всех объединяет равенство прав и связей с территорией в географическом и культурном значении, а не в государственном смысле. „Идея отечества” в своих основных положениях была антinationалистична. Это означало первенство „отечества” над „государством”, „территории” над „границами”, „равенства” над „господством”, „сообщества” всех народов над „исключительностью” меньшинств. Для последователей этой идеи важна была многонациональная, многокультурная и историческая целостность данного географического пространства. Важным для них было не только „иметь и властвовать” (основной принцип каждого национализма), но также „сосуществовать с другими”. При этом подчеркивалось значение не „государства”, а именно общего пространства объединяющего все народы, на нем проживающие.

Во время советской оккупации Виленщины (15 июня 1940 г. – 22 июня 1941 г.) Мацкевич оставил профессиональную деятельность, работал дровосеком и извозчиком. Первые четыре месяца немецкой оккупации (июль-октябрь 1941 г.) сотрудничал с издаваемой немцами польскоязычной газетой «Ежедневный курьер», в которой поместил несколько статей антисоветского содержания и фрагменты романа «Дорога в никуда». Возможно, что эти публикации и восходившие еще к предвоенному десятилетию личные конфликты стали причиной того, что специальный суд Армии Крайовой в Вильно приговорил его к смерти. Точное время вынесения приговора (1942 –1943 гг.) и все обстоятельства этого дела запутаны. Известно только, что приговор не был приведен в исполнение, а позже его отменили. В мае 1943 г., по приглашению немецкой стороны и с разрешения виленской АК, Мацкевич приехал в Катынь, где был свидетелем эксгумации могил польских воинов. После этого подготовил два рапорта для руководителей АК (в Варшаве и в Вильно,

причем оба рапорта не сохранились), а также дал интервью для «Ежедневного курьера» («Я это видел собственными глазами»), в котором однозначно утверждал, что преступление является делом рук НКВД. Из Вильно выехал в 1944 г., через Краков, Вену и Рим добрался до Лондона в 1947 г. В 1955 г. переехал в Мюнхен, где и жил до дня своей смерти – 31 января 1985 г.

В 1952 г. Мацкевич давал показания перед специальной комиссией Конгресса США, расследовавшей катынскую трагедию. Опубликовал сотни статей с воспоминаниями и множество политических комментариев. Часть офицеров АК, находившихся в эмиграции, подвергала его критике за негативную оценку политики Главного командования АК по отношению к СССР во время войны. За непримиримый антикоммунизм Мацкевичу доставалось и от властей ПНР, за это критиковала его и часть эмиграции. К числу самых известных художественных произведений Мацкевича относятся: «Дорога в никуда» (1955), «Об этом нельзя говорить громко» (1969), «Контра» (1957), «Левая свободна» (1965), «Карьерист» (1955), «Дело полковника Мясоедова» (1962), «Ватикан в тени красной звезды» (1975), а также репортажи, воспоминания, историческая и политическая публицистика («Бунт болот», 1938 г., «Победа провокации», 1962 г., «Дорогая Пани», 1984 г., «Факты, природа, люди», 1984 г.). Вышло и собрание сочинений Мацкевича в 18 томах, но оно не охватывает всего творчества писателя. На русском языке был опубликован сборник его статей «От Вилии до Изара. Статьи и очерки 1945-1985» в переводе Натальи Горбаневской (Лондон, 1992).

В последние годы царизма. Юзеф Мацкевич провел детство в царской России. Поэтому он был знаком с ней иначе, чем поляки, жившие в Царстве Польском. Конечно, Мацкевич воспринимал Россию как империю. Но для него это была империя, в которой исповедовали христианскую мораль, довольно терпимо относились к покоренным народам, уважали независимую юстицию, – и – главное – эта империя, основывалась на уважении к частной собственности и индивидуальности каждого человека. Царская Россия начала XX в. была для Мацкевича типичной абсолютной монархией и мало чем отличалась от монархических государств западной Европы. Несмотря на все имевшиеся различия, по мнению Мацкевича, Россия была частью капиталистического мира своего времени, входила в эпоху постепенных перемен, а путешественник с Запада мог найти много схожего между Петербургом и Лондоном или Парижем и Москвой. В любом случае, как говорил Мацкевич, цивилизационные различия между Лондоном и Петербургом были тогда такие же, как между Лондоном и Лиссабоном или Мадридом.

С точки зрения Царства Польского (так называемой Центральной Польши), императорская Россия была только непримиримым врагом поляков и польской независимости. На идее борьбы с Россией – «жандармом Европы» – было основано одно из направлений польского социализма, стремившееся к достижению национальной независимости. Такое отношение к России стало причиной того, что когда началась большевистская революция, польские политические элиты (как, например, маршал Пилсудский) одинаково отнеслись к большевикам и к «белым». Они либо не проявили заинтересованности в победе какой-либо из сторон (поскольку и в политике «белых» и в политике «красных» видели один и тот же великорусский империализм), либо фактически содействовали большевикам (маршал Пилсудский вел тайные переговоры с Лениным и дважды отказался поддержать контрреволюционные войска). В таком развороте событий, как полагал Мацкевич, решающую роль сыграло сочувствие польского общества идее революции – программной идее тогдашних социалистов. Это предопределило и программную непримиримость по отношению ко всякой контрреволюции, которая считалась несовместимой с нормами «общественного прогресса». Слова и смешение их значений, считал Мацкевич, заслонили реальность.

Россия и Советский Союз. Мацкевич категорически и многократно выступал против концепции, согласно которой большевизм являлся историческим детищем России. По его мнению, данная точка зрения не считалась с тем фактом, что Россия перед революцией была ближе к Западной Европе, чем потом оказалось к ней Советское государство. Он считал, что большевизм не только не был продолжением старой России, как утверждал, например, Ян Кухажевский («От белого царизма к красному») – но являлся ее полным отрицанием – в политическом устройстве, в экономическом, философском, нравственном и даже психическом плане. Большевики, как писал Мацкевич, хотя и сохранили внешние рамки империи, но полностью поменяли ее внутреннее содержание. По его мнению, коммунизм в Россию попал из Германии (в хорошо известном запломбированном вагоне, в котором в Россию из Германии переслали 30 большевиков).

Согласно Мацкевичу, коммунизм на востоке был не «естественным» плодом, а результатом принуждения и террора; коммунизм без принуждения, в чистом виде, существовал только в Западной Европе – как идеология, принимаемая свободным обществом.

Мацкевич вообще не видел принципиальной разницы между коммунизмом, большевизмом, сталинизмом и «хрущевизмом». Он усматривал между ними только разницу в тактике. Сталинизм, писал Мацкевич, придумали не враги большевизма, а соперники Сталина, стремившиеся к власти, которых он ликвидировал. Это была своего рода психическая эпидемия («зараза»), первой жертвой которой стали сами русские. Ошибкой западных советологов, как и многих поляков, стало отождествление России и СССР, русскости и большевизма (советизма, коммунизма), тогда как, по мнению Мацкевича, следовало скорее *подчеркивать различие между русским народом, Россией и коммунистическим государством*. Сведением «большевизма» к «советской империи», как и объяснением «московских процессов» традицией какой-то «русской души», умалялась угроза западному миру со стороны коммунизма. Ни первое, ни второе, по мнению писателя, не было верным. За коммунистической угрозой для всего мира таилась не какая-то мифическая «русская душа», как и не традиции Ивана Грозного или Чингисхана, а являющееся исключительным достоянием большевизма «страшное изобретение психического слова человеческого характера», не делающее различий между расами, народами и уровнями развития культуры.

Революция и контрреволюция. Размышления Мацкевича о России и Советском Союзе, революции и контрреволюции не сводятся только к оценкам исторических фактов, они составляют часть его более широких размышлений *над упрощением и деформацией реальности при помощи языка*. Слова, шаблонные понятия, неправильно используемые термины и определения – утверждает Мацкевич – могут полностью исказить картину и смысл исторических событий. В качестве примера он приводит понятие «революция», которое в своем позитивном значении оказалось, по его определению, троянским конем, послужившим большевикам для порабощения европейской мысли.

Сочувствие, которым пользовалось во всей Европе понятие революции, позволило большевикам интегрировать их переворот с европейскими традициями свободы, демократии и общественного прогресса (по примеру Французской революции 1789 г.). И в польской политической традиции слово «революция» в течение десятилетий было связано с идеями демократии и независимости. «Революцией» называли Конституцию 3 Мая (1791 г.), которая являлась проектом основательной демократической реформы государства. Революцией называли борьбу в защиту Конституции (в 1792, 1794 гг.) а также все национальные восстания в защиту независимости. Многие писатели придавали

революции высокое духовное значение. Например, Юлиуш Словацкий писал: «Дух – вечный революционер». В конце века «революция» – в своих двух основных лозунгах: демократии и независимости – стала синонимом борьбы польских социалистов.

Большевикам благоприятствовала и абсолютная враждебность поляков по отношению к любым оттенкам «белой России», которая – в качестве синонима самодержавия и захватчика – считалась самым большим из всех существующих зол. Поэтому и в 1917 г., как утверждает Мацкевич, не было замечено фундаментальное различие между традиционным империализмом царской России и крайне тоталитарными целями большевиков. «Революционная» фразеология заслонила для польских (и европейских) социалистов тот факт, что большевизм начал свои действия с ликвидации российской цивилизации, потом – цивилизации других народов, а, в конце концов, – всего того, что не было большевизмом.

Царскую Россию начала XX в. Мацкевич считал недемократическим государством, но, как я уже заметил, государством, постоянно эволюционирующим в сторону либеральной системы. Именно в этом находится источник контрреволюционного – в дословном смысле – мировоззрения Мацкевича. Большевистская революция, с точки зрения писателя, стала не этапом борьбы за общественную справедливость и свободу народов, а, наоборот, апокалипсисом для цивилизации, в рамках которой хотя и не было равноправия, демократии и права народов на самоопределение, но не было также и тоталитарного кошмара, уничтожающего свободу личности. «Контрреволюция» в представлении Мацкевича не была связана с каким-то классовым содержанием – просто всякую борьбу за свободу, он считал *ex definitione* [по определению] «контрреволюцией».

Следовательно, на царизм и на большевизм он смотрел как на полностью противоположные цивилизационные образования. Разницу между ними он предлагал оценивать, отвечая на вопрос: где было больше места для истины и свободы личности – в царской России начала XX в. или в Советской России?

Коммунизм и национализм. По мнению Мацкевича, убеждение в том, что российский империализм нашел себе новое орудие в лице интернационального коммунизма, было изначально ошибочным, поскольку дело обстояло совсем наоборот: это международный коммунизм пользовался российским империализмом.

Советский Союз – писал Мацкевич – не стремился к денационализации или господству над каким-либо народом. Прежде всего, он стремился превратить человека в машину. Большевики принуждали людей к таким компромиссам, которые приводили к

отказу от личного человеческого достоинства. Приписывание большевикам русификации, согласно Мацкевичу, анахронизм. Он считал, что большевизм противопоставлял «советское – антисоветскому». Ни раса, ни национальность не имели здесь никакого значения. Мацкевич полагал что, до 1941 г., Советский Союз был, прежде всего, антироссийским. Вопреки утверждениям западных советологов об азиатском происхождении большевизма, именно азиатские народы, по мнению Мацкевича, оказались наименее податливы коммунизму. Большевики, считал Мацкевич, хотели все народы превратить в советский народ, поэтому преследовали все националистические движения. Зато общественное мнение на Западе ко всем этим действиям коммунизма относилось как к доказательству коммунистического антинационализма. Это было недоразумением, считал Мацкевич.

Национализм, по мнению Мацкевича, разделяет народы, тормозит возможность их взаимопонимания и воссоединения. Национализм также представляет собой в осознании сущности и в борьбе против коммунизма. Национализм оправдывает себя в жесткой пропаганде национальных интересов – в силу этого ему чужды транснациональные идеологии. С подобной точки зрения, антикоммунизм был слишком абстрактной идеологией для всех разновидностей [польского] национализма, зато ему вполне подходила антироссийская программа. Поэтому следствием национализма всегда была недооценка транснациональной коммунистической опасности.

Коммунизм и ложь. Юзеф Мацкевич уехал из страны, освобожденной из-под немецкой оккупации следующим – советским – оккупантом. Он узнал цену этому «освобождению» в Вильно, где в течение года ему довелось быть «советским гражданином». Ситуация, в которой оказалась Польша в 1945 г., была, по мнению Мацкевича, хуже, чем в 39-м или 41-м (так как нацизм закончил свое существование, а коммунизм переживал расцвет). Коммунизм был для Мацкевича преступной системой и преступной идеологией, конечной целью которой являлось уничтожение свободы как отдельных личностей, так и целых народов. Основная часть польского общественного мнения в ПНР и в эмиграции не могла принять образа мыслей Мацкевича – его просто считали одержимым антикоммунистом, маньяком, который из-за своего больного воображения потерял контакт с действительностью. Еще в 1988 г. ветераны Армии

Крайовой, желая умалить идеи Мацкевича, характеризовали его, как «яростного антикоммуниста»¹, – определение, которое, с их точки зрения, несло негативный смысл.

Однако Мацкевич, на десятки лет опережая А. Солженицына, А. Безансона, Ж.-Ф. Ревеля и Р. Пайпса, упорно повторял, что коммунизм построен на лжи, вознесенной в ранг официальной идеологии.

В связи с этим приведу фрагмент из воспоминаний Ричарда Пайпса. Когда, во второй половине 1950-х годов, Пайпс посетил Советский Союз, там его потрясла именно «вездесущность лжи». В частности он вспоминает и комментирует следующий эпизод: «Помню, как в Ленинграде кондуктор в трамвае публично расхваливала жизнь в этом городе, уговаривая меня переехать туда с семьей. Когда же я выходил из трамвая, она прошептала: “Мы живем как псы, правда?”. У меня возникло ощущение, что люди в этой системе, в этом обществе постоянно обманывали. Я не переношу лжи. Для меня это кошунство. Мир сотворен Богом и отрицание того, что существует – именно это и есть кошунство. На основании этого у меня сложилось негативное впечатление о советской действительности»². Мацкевич писал об этом еще в 20-е годы.

Мацкевич-писатель соперничал как отдельным людям с их конкретными проблемами, так и целым народам. Он оставил эпическое свидетельство, перенесенных ими огромных трагедий – свидетельство об обманутых, преданных, убитых и преданных забвению. В своих произведениях он напоминал, что все это творилось во имя усовершенствования будущего человека и во имя улучшения его природы. Во имя Революции, Справедливости и Мира. Путь к этому будущему, начатый победой большевиков в 1917 г., он кратко охарактеризовал названием своего первого романа: «Дорога в никуда». И – уже в 1919 г. отказался идти по ней.

Размышляя над концепцией коммунизма Мацкевича, следует помнить о том, что она сформировалась в самые страшные годы сталинского террора.

Творчество. «С детства я был увлеченным природоведом» – писал Мацкевич о себе в тридцатые годы³. «Увлечение природой развила во мне классная

¹ См. M. Mandziara, J. Huczyński, *W obronie prawdy*, цит. в: W. Bolecki, *Ptasznik z Wilna. O Józefie Mackiewicz*, Kraków 2007.

² *Badaniem świat kłamstwa, z Richardem Pipesem rozmawia Andrzej Nowak*, „Europa” (dodatek do „Faktu” 2004/269) 2004 z 17 XI.

³ „Alfred Brehm”, „Słowo” 1934 nr 325. переиздание в: *Bulbin z jednosielca*, s.322.

руководительница, Елизавета Петровна. Из библиотечки начального класса гимназии всегда после уроков она давала мне книги для чтения. [...] Одна книжка называлась «Природа». Фамилию автора я помнил долго. [...] Известный русский естествоиспытатель, профессор Казанского университета [Богданов]. [Эта книга] отразилось на моих увлечениях и оказала решающее влияние на выбор факультета в университете [...] Чему научил меня автор «Природы»? Он не только раскрывал ее тайны и пробуждал к ней интерес, но еще учил тому, как ее исследовать, войти с ней в контакт. Это была замечательная книга! Удивительно! Нас, воспитанных на традиционных сказках «о птичке в золотой клетке», автор учил, как ловить этих птичек, как в них разбираться, как их держать в клетке, как за ними ухаживать, как наблюдать их жизнь вблизи, как их любить! Описывал красоту свободной жизни в лесу, но в то же время давал точные указания и размеры силков, ловушек, сеток и клеток. Серьезно и легко объяснял, что является издевательством и убийством, а что полезным развлечением, развивающим в нас любовь к природе».

Любимыми книгами молодого Мацкевича были рассказы Бунина (как и русский писатель Мацкевич всю жизнь писал о прошедших временах), упомянутая уже «Природа» Богданова, «Тихий Дон» Шолохова и «Утраченные иллюзии» Бальзака. Увлечение природой породило в Мацкевиче отрицательное отношение ко всем формам национализма, критика которых станет постоянной составляющей его творчества. «Большой след оставила в нем российская гимназия, – пишет в своих воспоминаниях Чеслав Милош, – и благодаря своему фанатическому увлечению книгами по орнитологии (в чем мы с ним были похожи), он получил образование по естественным наукам. Возможно, эта позитивистская подготовка подготовила в нем почву для скептицизма относительно “польского Вильно”»⁴.

Уже в одном из первых юношеских рассказов Мацкевича – «Каток» возникает тема межнациональных отношений. На катке встречаются и играют дети из богатой польской семьи и из семьи бедного русского чиновника. Действие происходит в Вильно в начале XX в.⁵ На катке между детьми нет никаких различий: они дружно и радостно играют. Но между их семьями общения нет, а дети русского чиновника живут хуже, чем

⁴ Cz. Miłosz, *Koniec Wielkiego Xięstwa*, „Kultura” nr 500, s. 106.

⁵ См.: *16-tego między trzecią i siódmą.*, wyd. Słowo, Wilno 1936. Przedr. w: Józef Mackiewicz, *Ściągaczki z szuflady Pana Boga*, posłowie Barbary Toporskiej, wyd. Kontra, Londyn 1989.

дети богатых поляков, хотя формально поляки являются «подданными» [русской] империи. В России начала XX в., как показывает Мацкевич, национальные различия не совпадают с общественными и политическими. Это наблюдение Мацкевич разовьет позднее в других произведениях, утверждая, что в начале XX в. Россия становилась все более либеральным государством, эволюцию которого прервала большевистская революция 1917 г.

В рассказе «Каток» немало наблюдений относительно общественных последствий развивающегося в Европе национализма. Мацкевич показывает, как доктринерские национальные и идеологические расхождения искажают отношения между людьми. Если еще в XIX в. нормой человеческих отношений было непосредственное общение между людьми, то следствием того разделения, которое проистекало из националистических доктрин XIX – XX вв., стало уже общение не между людьми, а между представителями того или другого народа, или той или иной политической партии.

Характерной чертой творческого стиля Мацкевича было использование автобиографических мотивов в создании литературных образов. Уже с первых шагов Мацкевича-писателя личный опыт стал для него основным источником творчества.

Предшественник советологии (1918 – 1939). Тема России возникает в творчестве Мацкевича как автобиографический мотив в контексте воспоминаний о молодых годах, а также в связи с предпринятым им исследованием результатов большевистской революции. Анализ коммунистической системы (политический и исторический мотив) – неперенное слагаемое публицистики Мацкевича 20 – 30-х годов. Для того, чтобы показать, что коммунизм – не продолжение старого строя в России, как об этом часто писали, а его противоположность, Мацкевич прибегал к сравнению России царской и России большевистской. Таким образом, он доказывал, что при самодержавии – несмотря на то, что это была деспотическая система – оставалось место и для либерализма, толерантности и законности. Тогда как общественный и политический строй, который ввели большевики после победы октябрьской революции 1917 г., привел к полному уничтожению традиций русской культуры. В связи с этим Мацкевич обращался и к собственному опыту и опыту своей семьи, вспоминая, например, как праздновалось Рождество в польских домах в российской империи. Если повсюду вокруг Мацкевича, толковали, по его собственным словам, о «временах неволи и притеснения», то он с

детства запомнил нечто иное: полную свободу [которой пользовались поляки] в выражении патриотических чувств и дружеские отношения с русскими⁶.

Другим направлением его размышлений над природой коммунистической системы в публицистике Мацкевича стал анализ коммунистической стратегии⁷. Писатель постоянно подчеркивал, что политической новацией большевиков стал циничный подход ко всем взятым на себя обязательствам – любое обязательство они всегда рассматривали только как удобный в тот или иной момент тактический ход с целью удержания и расширения своей власти. Мацкевич подчеркивал, что большевики никогда не собирались исполнять какие-либо внутренние или международные обязательства, и что наивно было бы ожидать какого-либо положительного эффекта от дипломатического взаимодействия с ними. Сущность большевистской тактики, по мнению Мацкевича, – в политической игре, которая допускает все, что служит их выгоде. Цинизм большевистской тактики, как утверждал Мацкевич, – заключался в том, что, не принимая никакой религии и обрушивая, прежде всего, на православную церковь в пределах СССР жестокие гонения, большевики в то же время пользуются ее авторитетом для целей своей политики. Цинизм же тактики московского патриархата заключался, по мнению писателя, в том, что, служа безвольным орудием в руках большевиков, он прикрывал их авторитетом своих иерархов и приспособлял к большевистским требованиям толкования канонов Церкви⁸. Мацкевич считал, что нельзя просто принимать на веру какие-либо декларации представителей советского государства, он требовал немедленной проверки этих заявлений путем досконального анализа практических действий большевиков. А практика большевизма, как утверждал Мацкевич, диктовалась стремлением к уничтожению всех норм и ценностей, которые лежали в основе европейского понимания политики. Мацкевич обращал внимание на фиктивность всех официальных деклараций большевиков, на фиктивность советского законодательства и абсолютную недостоверность советского официального языка, единственной функцией которого была маскировка преступных целей советской идеологии⁹. Согласно, Мацкевичу, большевизм сначала разрушил

⁶ *Wspomnienia niepopularne „Słowo”*, 1931 nr 297.

⁷ См.: *Bulbin z jednosielca. Artykuły 1922-1936* (London 2001) а также: *Okna zatkanie szmatami. Artykuły 1937-1938* (London 2002).

⁸ „Smuta” „Słowo” 1931 nr 36; przedr. w: *Bulbin z jednosielca* s. 240.

⁹ На специфику советского языка обратили внимание только после Второй мировой войны. Одним из первых исследований по этому вопросу стала статья Александра Вата:

Россию, а потом начал свой поход на другие государства. Его целью было не создание нового государства похожего на все европейские государства, а уничтожение культуры и всех достижений человечества. Мацкевич писал о непонимании многими сторонними наблюдателями сущности большевистской системы, о наивности веры во все мирные декларации, указывал на факты и высказывания большевиков, которые свидетельствовали, что основной их враг – сама цивилизация, а цель – уничтожение ее основ, радикальное отрицание самого понятия человечности, уничтожение религии и общечеловеческих нравственных ценностей. В этом смысле – уже в 20-е годы – Юзеф Мацкевич распознал и начал борьбу с основными (и сохраняющими актуальность до настоящего времени) мифами политических дискурсов, описывающих события в Советской России. Речь шла о мифах революции, прогресса, новой цивилизации, третьего пути, нового человека и т.д. До тех пор пока не пришло понимание ложности этой мифологии, большевизм, согласно Мацкевичу, представлял опасность для всей цивилизации. Сложность в осознании этой опасности, по мнению Мацкевича, состояла именно в непонимании способов действий большевиков, скрывающих свои деструктивные и нигилистические цели за языком, полным заявлений о мире, дружбе, демократии и т.д. Пропагандистскую деятельность большевиков Мацкевич считал маскарадом, проявляющимся в поощрении создания автономных структур, которые фактически поддерживали политическую экспансию СССР. Согласно Мацкевичу, Советский Союз вмешивается во внутренние дела каждого государства, пользуясь «обратной стороной медали» своего двойственного устройства – Коминтерном¹⁰. В то же время Мацкевич подчеркивал, что действия большевиков не соотносятся с каким-то постоянным критерием, с какой-либо нормой, на основании которой можно было бы предполагать, какую именно политику они поведут. Кроме одной – их стремления к присвоению и разрушению всего того, что не им не принадлежало.

Характерно, что в победе большевизма в России Юзеф Мацкевич сразу же заметил опасность для человеческой личности. Основной мотив его предостережений относительно большевизма (и его распространения) – угроза, которую представляет большевистская концепция человека, распространяющаяся в Советском Союзе. Писатель

Kilka uwag o związku między literaturą a rzeczywistością sowiecką [там роз. *Semantyka języka sowieckiego*] (1962), w: *Świat na haku i pod kluczem*, opr. K. Rutkowski, Warszawa 1991.

¹⁰ „Słowo” 1929 nr 162. *Bulbin z jednosiela* s. 165 – 166

предостерегал, что при большевизме человеческая жизнь ни во что не ставится¹¹, что в этой системе «нет личностей, нет гражданских и личных прав, нет собственности»¹².

Уже в начале 30-х годов Мацкевич информировал общественное мнение о советских концентрационных лагерях. Обращаясь к свидетельствам Францишка Олехновича о его аресте ГПУ в 1926 г. и ссылке на Соловецкие острова, Мацкевич указывал на террор и геноцид советского государства как на основные условия функционирования советской системы¹³. Метаморфоза, постигшая Соловецкий монастырь, быстро превращенный большевиками в концентрационный лагерь, служила для Мацкевича символом, объясняющим сущность большевистской революции и коммунистической идеологии.

Свою антикоммунистическую программу как мировоззренческую позицию Мацкевич, пожалуй, лучше всего изложил в статье «Братъ пример с “Тихого Дона”». Он писал: «В нашем журнале мы ведем борьбу с коммунизмом и всеми его проявлениями, несмотря на то, закамуфлированы они, или открыты, ведут ли они к коммунизму или могут вести. [...] Это движение [коммунистическое] направлено против духовных и материальных идеалов, против традиции этих идеалов и основ нашего мировоззрения, того, которое мы считаем полезным, целесообразным, которое является достижением культуры поколений не только нашего государства, но всего человечества. [...] Мы должны бороться с коммунизмом не на жизнь, а на смерть. Это не соревнование в борьбе за теннисный мяч, бильярдный шар или шахматную ладью. Это борьба за возвышенные идеалы всего человечества. [...] Коммунизм, как программа, так и система исключает все простые и сложные функции человеческой психики, которые не ведут к международной революции, а тем самым он ведет к разрушению нашего мира, как нравственного, так и идейного. Коммунизм не считается с правами, достоинством и честью личности. В Советском Союзе людей осуждают за преступления, которые в христианском понимании являются добрыми делами. Депортируют людей без суда, учреждают касту «лишенцев», которая лишена даже такой защиты, какую наше Общество охраны животных дает битым на улице лошадям. С гуманизмом ведется борьба, религия преследуется. [...] Это железная, последовательная система

¹¹ „Wróca czy nie wróca? Wyprawa łamacza Siedowa w nieodkryte strony”, „Słowo” 1930 nr 195; BZJ.

¹² „Felieton ‘antyspółeczny’” (m.), „słowo” 1931 nr 124; *Bulbin z jednosielca* s.259.

¹³ Historia łagru na Solówkach. *Bulbin z jednosielca* s.284-5; por.288, 290.

разрушения нашего мира, истребления < его представителей > как сорняков, беспардонно, без почестей оказываемых противнику в правильной борьбе.

По мнению Мацкевича, глубокое художественное осмысление этой системы можно найти у Шолохова в «Тихом Доне». В качестве примера Мацкевич сослался на провозглашаемый устами одного из персонажей романа принцип безкомпромиссного отношения коммунистов к своим врагам – «врагам рабочего класса»: чем более благородна личность врага, тем более она опасна и заслуживает уничтожения. Так было во времена гражданской войны в России. С того времени ничего не изменилось»¹⁴, - утверждал Мацкевич.

Роман «Левая свободна». По мнению Мацкевича, большевики не смогли удержать западных территорий царской империи вследствие решения, принятого германским генштабом 22 февраля 1918 г. Германия – оставшаяся в Восточной Европе по распоряжению союзников – потребовала отступления большевиков из Эстонии, Латвии, почти всей Белоруссии и всей Украины. На заседании ЦК партии большевиков Ленин с трудом добился заключения мира с Германией на условиях, навязанных 22 февраля. Мир в Брест-Литовске был подписан 23 марта 1918 г., и в результате немецкие войска заняли прибалтийские страны, Белоруссию и Украину. Именно немецкое присутствие в северо-западных регионах царской империи способствовало появлению Латвии, Эстонии и Литвы в качестве самостоятельных государств. (Поэтому во время Второй мировой войны они были ориентированы на Германию, но это уже более поздняя история) Что касается Польши, то ее отношение к возникавшему большевистскому государству определялось позицией польского социалистического движения, стремившегося к независимости и опиравшегося на традиции многолетней борьбы против царской России. Поэтому когда «белая» Россия столкнулась с большевиками, естественное сочувствие польских социалистов – во главе с Пилсудским – было по стороне большевиков, в которых они видели противника, сражающегося с общим врагом: царской Россией¹⁵. Даже если нельзя

¹⁴ „Słowo” 1936 nr 124; *Bulbin z jednosielca*, s. 410-414

¹⁵ Подтверждают это воспоминания Д. Мережковского, которому Пилсудский сказал: «Польша не может иметь никакого контакта с реставрацией [то есть с «белыми» русскими генералами Деникиным, Врангелем, Колчаком]. Лучше все остальное, чем это. Лучше большевизм – крикнул он в огромном гневе и глаза его засверкали. Он говорил со

говорить о симпатии, то, несомненно, польская сторона заняла нейтральную позицию по отношению к «внутрироссийскому» «красно-белому» конфликту. Белая Россия или красная – как рассудили польские политики – всегда останется Россией. В романе Мацкевича «Левая свободна»¹⁶ Пилсудский обращается к «старым партийным товарищам» с такими словами: «Мы не сражаемся с революцией, а сражаемся с Россией. Советской или белой. Советская является меньшим злом, так как она менее опасна для нас, чем белая. Однако это всегда Россия. Со своими Лениным, Троцким и генералами Брусиловым и Шапошниковым или другими, которых они пригласили сейчас в свою кампанию». Результатом такого образа мыслей Пилсудского стал его отказ синхронизировать борьбу против большевиков с действиями армии Деникина, а позже Врангеля. Мацкевич подробно, эпизод за эпизодом, описывает тайные переговоры между посланцами Ленина (в июле 1919 эту роль выполнял Юлиан Мархлевский) и Пилсудским и предполагает, что в результате этих переговоров наступление польских войск на западе было дважды остановлено в наиболее критические для большевиков моменты наступления контрреволюционных войск на юге России.

«Пилсудский был хитрым человеком. Выслал к Деникину своих представителей, абсолютно разных, контрастных – крайне правого – ген. Карницкого и крайне левого – штатского человека Ивановского. Однако оба они прислали очень похожие рапорты об отрицательном отношении Деникина и его окружения к независимости Польши. Эти рапорты серьезно повлияли на бездействие польской армии»¹⁷.

В результате решения, принятого Пилсудским, как утверждает Мацкевич, большевики могли перебросить войска с западного фронта на южный и разбить силы контрреволюции. Вместе с тем победа, одержанная поляками, под Варшавой также не означала окончательного разгрома большевиков, поскольку она закончилась

страшной силой. Я почувствовал, что это – его основной принцип, в этом он тверд», D. Merezkowski, *Józef Piłsudski*, Warszawa 1920, s. 6-7.

¹⁶ Первое издание: 1965 Лондон, Польский Фонд Культуры; второе издание: Издательство Контра, Лондон. Мацкевич выводит название романа от команды для марширующей колонны войск, которая должна пропустить или обойти другую колонну; имеет также второе – скрытое значение. (см. W. Wolecki, *Ptasznik z Wilna. O Józefie Mackiewicz*, Kraków 2007, s.836).

¹⁷ Z.S.Siemaszko, *Elementy historyczne w twórczości J. Mackiewicza...*

благоприятным для них Рижским договором, поспешно заключенным 12 октября 1921 г. во время начала нового наступления генерала Врангеля. Не опасаясь марша польской армии, большевики сосредоточили все свои силы против Врангеля и месяц спустя окончательно разбили войска контрреволюции. Большевицкая революция была спасена.

Конечно, Пилсудский не желал сотрудничать с Деникиным или Врангелем не из-за того, что испытывал неприязнь к контрреволюции и самодержавию и не потому, что ему были безразличны стратегические цели большевиков. Решающую роль сыграла позиция самих царских генералов, которые, ожидая от Пилсудского сотрудничества в борьбе против большевиков, твердо стояли на позициях «единой и неделимой» России, категорически отрицая все стремления к независимости не только поляков, но и других народов бывшей царской империи. Разумеется, что ни один народ, получив шанс создать свою суверенную государственность, не мог принять такую позицию белых генералов. В соответствии с положениями Рижского договора Польша, с одной стороны, сохранила свои восточные территории, а, с другой – интернировала все непольские отряды, состоявшие из русских, украинцев и белорусов, сражавшиеся с большевиками на польской стороне. Польша отказалась также от борьбы за независимость Украины. Как в 1920-м Польша предала своего самого верного союзника в борьбе с большевиками Петлюру, так и двадцать лет спустя в Тегеране и Ялте с Польшей поступят Англия и США.

Между тем, как писал Мацкевич в одной из своих статей, было не так уж важно, признали бы белые генералы в 1919 г. или не признали Польшу, хотели они или не хотели воссоздания «единой и неделимой» России. Польским политикам важно было предвидеть другое – кардинальное изменение внутреннего устройства, которое произойдет у восточного соседа. Если царскую Россию, которая, как писатель снова подчеркивал, «была в высшей степени либеральна по сравнению с жестоким тоталитаризмом большевиков», «распирал изнутри динамизм молодых окрепших национальных сепаратизмов», то «в Советском Союзе они сложились – в большевицкий монолит. В России – Украина и даже Белоруссия дозревали до отсоединения от нее. В СССР – слились с ней в одно целое»¹⁸.

¹⁸ *O dokładne rozeznanie wroga, Wiadomości 1947 nr 30, przedr. J. Mackiewicz, Nudis Verbis, op. cit. s.377.*

События 1919 – 1921 гг., как считал Мацкевич, окончились полным крахом федеральной идеи Пилсудского. Нарушение Сувальского договора с Литвой, отказ от поддержки независимости Украины, двустороннее соглашение с большевиками, заключенное Польшей ценой потери своих вчерашних союзников, посеяли ненависть между народами, проживающими на этих землях. События 1918-1921 гг. поссорили государства и народы Восточной Европы, национальные раздоры стали еще более болезненными, чем в предыдущие десятилетия. Более того, заключенный в спешке Рижский договор в каком-то смысле дал большевикам возможность не только удержаться у власти, но и 20 лет спустя, 17 сентября 1939 г. «вернуться за своим». Однако вину за это не стоит перекладывать исключительно на польскую сторону, вина лежала на всех народах, которые собственную национальную выгоду поставили выше солидарного сплочения против их общего врага, каковым являлись большевики. Собственно, это и является темой романа «Левая свободна».

Победителем из тех событий, как пишет Юзеф Мацкевич, вышел только НАЦИОНАЛИЗМ всех народов Восточной Европы. Это благодаря ему большевики не столкнулись с общим фронтом сопротивления государств, это благодаря ему они могли вести борьбу с каждым государством в отдельности и именно из-за него не было возможности определить подлинную природу большевистско-коммунистической опасности. Согласно Мацкевичу, в 1919-1921 гг. Польша сражалась не с Россией, а с империей *нового типа*: идеологической и тоталитарной. Ее целью была не оккупация, а уничтожение всей человеческой цивилизации и перековка каждого на большевика. Это не была опасность только для одного государства или народа, но это была опасность для всего человечества. Польша оказалась только одним из первых этапов на пути к всемирной революции и то только потому, что это через Польшу, а не через Болгарию или Кубу ведет дорога из Москвы в Европу. Именно этого, как говорит Мацкевич, никто не понимал.

В романе Мацкевича один из героев судит об этом следующим образом: «Пока господа Деникины, Пилсудские, украинцы, какие-то литовцы и другая мелочь пользуются по старинке понятием национальных интересов, большевики вводят понятие международных интересов. Пока у тех господ на уме только свой язык да возведение пограничных столбов, большевики думают о слиянии языков и уничтожении пограничных столбов. Все эти народы, начиная с Финляндии, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, белорусы, украинцы и многие другие, ввязываются во взаимные споры, интриги и даже войны, как, например, война за Львов и Галицию. А чего хотят господа Колчаки и

Деникины? Контрреволюция тоже исходит из того, что в войне против большевиков следует “опираться на здоровые национальные силы”, а не на международные связи против международной опасности. Ну, а Ленину остается лишь воздать благодарность Богу, что Деникин хотел сражаться только с “российской” революцией, а Пилсудский, как видно, до сих пор хочет бороться с “Россией”. Они оба считают, что это двусторонняя борьба, тогда как Ленин и Троцкий ведут глобальную игру. Вот где собака зарыта. Деникин видит только интересы России, Пилсудский – только интересы Польши. Опять между ними спор о языке и границах. И что же получается? [...] Деникин вышел с “любовью к России”, Пилсудский с “любовью к Польше”. А Ленин и Троцкий – с ненавистью ко всему, что было раньше. [...] Предмет спора между Деникиным и другими, для Ленина и Троцкого в принципе безразличен. [...] Совместный удар контрреволюции являлся бы смертельным ударом для революции. Но согласия в контрреволюции нет, и, как видим, и быть не может. Вот почему революция должна победить».

«Левая свободна» – это роман о трагическом непонимании истории всеми участниками ее великой драмы. Одни не поняли ее по недостатку опыта, другие – именно из-за чрезмерных испытаний, которым их подвергла История.

«Левая свободна» – это роман о народах Восточной Европы, которые после окончания Первой мировой войны получили (точнее, могли получить) исторический шанс создания прочных независимых государств и свободных, демократических обществ. Но условием осуществления этого шанса было появление также демократической России. В то время это условие не было осознано, а каждый народ все усилия посвятил борьбе за свои государственные и национальные интересы, недооценивая масштаба опасности, таящейся в тоталитарных целях большевиков. Историческая тема романа «Левая свободна» – рождение того политического строя, который через двадцать лет поглотит и эту часть Европы.

«Драма заключалась не в различиях между Пилсудским и национал-демократами («эндеками»), а в той стихийной мировой катастрофе, из остывшей лавы которой возник новый сосед Польши на востоке. Эту катастрофу Пилсудский, ослепленный своей антирусскостью, недооценил, так же как недооценивает ее еще и сегодня огромное большинство»¹⁹.

¹⁹ *O dokładne rozeznanie wroga, Wiadomości 1947 nr 30, przedr. Nudis Verbis, op. cit. s..376.*

Роман «Левая свободна» задает в связи с событиями 1919-1920 гг. вопросы, важные и с точки зрения минувших десятилетий. Юзеф Мацкевич как писатель не был летописцем, реконструировавшим «сухие» факты, для того, чтобы рассказать только о том, как было. Он скорее был философом истории, который отслеживал чередование реальных событий с точки зрения своего видения исторического процесса. В том, что совершилось, он, прежде всего, находил утраченные шансы, в достижениях – то, что было потеряно, в результатах политических соглашений – утрату замечательных возможностей, данных самой действительностью.

В своем романе Мацкевич не встает на сторону поляков, литовцев, украинцев или царских генералов. Великая тема романа, как и ряда других произведений и публицистических статей Мацкевича, – это скорбь по поводу утраты исторической возможности воссоздания Речи Посполитой, Многих Народов и Многих Культур. Ни один народ Восточной Европы не заметил тогда этого шанса.

«Дело полковника Мясоедова» (1962). Этот роман состоит из двух частей: героем первой части (название которой повторяет название всего романа – «Дело полковника Мясоедова») является полковник Сергей Мясоедов, героиня второй части – его жена («Дело Клары Мясоедовой»). Фабула первой части такова: Мясоедов, полковник царской жандармерии, сотрудник царской разведки обвинен в шпионаже в пользу Германии, а затем осужден военно-полевым судом в Варшаве и повешен в Варшавской цитадели. Эти события происходят в 1914 –1915 гг., вскоре после поражения 10-й российской армии в Восточной Пруссии. Но Мацкевич начинает свой рассказ значительно раньше – с 1903 г., когда Мясоедов служил ротмистром в полку жандармерии, располагавшемся в Вильно. Вскоре его переводят на службу в Вежблowo. Все это – лишь стечение банальных жизненных обстоятельств. Но в 1905 г. царская охранка организывает провокацию: подстраивает передачу нелегальной литературы из Восточной Пруссии на участке, находящемся в подчинении Мясоедова. Мясоедов разгадывает провокационный смысл этой затеи и разоблачает ее во время заседания суда по делу революционеров. Этим он навлекает на себя недовольство охранки, недовольство, как окажется через несколько лет, закончившееся для него смертельным исходом.

В то же время в другом месте империи, в Киеве, военный министр, генерал Сухомлинов подавляет антиеврейские выступления, также спровоцированные охранкой. Примерно тогда же Мясоедов заводит торговые связи с одной фирмой, созданной

русскими евреями. Вскоре он переезжает в Петербург, где начинает работать в военном министерстве и становится протеже Сухомлинова. Врагами военного министра являются, однако, Гучков, председатель Государственной думы, и его приятель, товарищ военного министра Поливанов. К тому же Поливанов пользуется покровительством великого князя Николая Николаевича, который желает быть Николаем III. Тем временем Николай II, следуя совету Сухомлинова, удаляет Поливанова из военного министерства. В ответ разворачивается кампания травли Сухомлинова (1911 г.). Однако ее первой жертвой становится Мясоедов, в то время уже вышедший в отставку. Гучков и его знакомый, журналист Суворин, в петербургской газете «Новое Время» обвиняют Мясоедова в соучастии в финансовых махинациях, устраиваемых еврейскими коммерсантами, и одновременно в передаче немцам тайных военных сведений. Тогда Мясоедов вызывает Гучкова на дуэль, а Суворина публично оскорбляет. Военное министерство проверяет обоснованность обвинений прессы и доказывает невиновность Мясоедова. Газета Суворина публикует опровержение и приносит ему свои извинения. Несмотря на это репутация Мясоедова испорчена, поскольку он стал жертвой скандала. Поэтому свои планы на будущее он связывает уже с торговой компанией братьев Фрейденбергов.

Начинается война. Главное военное командование находится в бездарных руках вел. кн. Николая Николаевича. Прежний военный министр – противник великого князя – понижен в должности: он теперь отвечает за снабжение армии. Тем временем русская армия терпит поражение в Восточной Пруссии. Раздаются требования выяснить причины военных неудач и наказать виновных. Мясоедов все это время находится под наблюдением охраны. Сначала виновниками поражения объявлены евреи, и в прифронтовой полосе дело доходит до погромов. Однако нужен конкретный виновник. И тогда, в декабре 1914 г. в российское посольство в Стокгольме является поручик Якуб Колаковский. Он заявляет, что бежал из плена, а немецкая разведка поручила ему убить вел. князя Николая Николаевича. Его моментально привозят в Петербург. Там начинается масштабное следствие против немецкой шпионской сети, во главе которой – как вскоре выясняется – стоял полковник Мясоедов. Следствие проходит в очень быстром темпе – в качестве участников шпионской сети арестованы все знакомые Мясоедова (в основном евреи, учредители торговой компании), а также его жена и любовница. Несмотря на отсутствие доказательств и многократное нарушение уголовно-процессуальных норм, военно-полевой суд приговорил полковника Мясоедова к смерти через повешение (без права обжалования приговора). Приговор приводится в исполнение утром 19 марта 1915 г.

Вскоре после этого арестовали и его вдову, Клару Мясоедову вместе с группой евреев. Часть арестованных приговорили к смертной казни, часть сослали на каторгу, а Клару и остальных признали невиновными. Месяц спустя этот приговор варшавского суда был изменен новым главнокомандующим русской армией – самим императором. Осужденных на каторгу приговорили к смерти, а Кларе смертный приговор заменили ссылкой. Смертные приговоры были исполнены 26 июля 1915 г. Общественное мнение с удовлетворением приняло ход следствия и результат процесса. Якуб Колаковский отказался от своих показаний (он дал их, как выяснилось, с целью прославиться), но это никого уже не интересовало. Фамилия «Мясоедов» стало символом предательства.

Первую часть романа можно было бы назвать «делом русского Дрейфуса» с той, однако, оговоркой, что в ней нет героя масштаба Эмиля Золя и мощного голоса либерального общественного мнения, да и окончание этого «дела» не было таким счастливым.

Но вторая часть произведения свидетельствует, что «дело» Мясоедова в какой-то степени стало противоположностью «дела» Дрейфуса.

«Вы знаете, – говорит адвокат осужденного Мясоедова его любовнице, – я использую парадокс: [это дело] является свидетельством несовершенства строя... демократического. Того, кого осудила власть, может защитить общественное мнение. А тот, кого осудило общественное мнение, может быть защищен властью. Но когда общественное мнение становится властью. [...] Нет такой силы, к которой можно бы обратиться. Нет никого на свете, кто был бы заинтересован в такой апелляции. [...] Обществу нужны шпионы, на которых можно было бы свалить вину за неудачи на фронте. Смотрите: Мясоедов. Правые довольны тем, что он сотрудничал с евреями. А тем, что носил форму жандарма – довольны левые. Все удовлетворены»²⁰.

Главной героиней второй части романа становится жена Мясоедова – Клара. Оказавшись в ссылке, она полюбила там Мариана Шатковского, чиновника из Галиции, который, как и она, был ссылкой. Они заключили брак. Когда распалась царская империя и образовалась независимая Польша, Шатковские, представляясь жертвами старого режима (она выдавала себя за еврейку, он – за социалиста), бегут от большевиков в Вильно, где Клара получила в наследство от родителей дом.

Клара никогда не могла объяснить, почему она так страстно ненавидела большевистскую революцию, благодаря которой ведь она обрела свободу. Может быть,

²⁰ *Sprawa pułkownika Miasojedowa*, op.cit., s. 483.

говорит автор-рассказчик, «из-за личных перипетий она не переносила толпы и ее шума, сплетен, слухов, лозунгов, у нее появилось отвращение к человеческому коллективу». У нее было более обостренное, чем у других людей, сознание своего одиночества и границ индивидуальной свободы. А в «большевистской революции она более почувствовала, чем осознала, посягательство на содержание ее личной жизни»²¹. В Вильно Клара живет в стороне от всякой суеты, довольствуясь достигнутым спокойствием. Ее муж делает успешную карьеру на государственной службе. В 1939 г. снова начинается война. Вильно занимают сначала советские войска, потом литовцы, а в июне 1940 г. опять надолго «приходит» Советский Союз. Клара опасается за себя и за мужа. Новая власть к ней относится как к белоэмигрантке, кроме того, «плохо» и то, что от родителей она получила «капиталистическое» наследство. Ее мужу грозит опасность как бывшему высокопоставленному польскому чиновнику. Им грозит арест и в лучшем случае депортация в Сибирь, где их ждут гораздо более ужасные условия, чем те, в которых они находились там перед революцией. Единственной возможностью выехать из Вильно (собственно говоря, убежать) является подписание фолькллиста (нем. *Volksliste*) действующего на основании соглашения между СССР и Третьим Рейхом. У Шатковских есть такая возможность, так как девичья фамилия Клары – Хольштейн (Holstein). Мариан Шатковский боится, однако, негативной реакции польского общественного мнения. Клара очень разгневана: чтобы спасти свою жизнь в Советском Союзе они не побоялись выдавать себя за тех, кем на самом деле не были (за еврейку и социалиста), а сейчас она считает, что ситуация повторяется. На следующий день после прихода Клары в немецкую комиссию, работающую в Вильно, весь город обсуждает и осуждает ее поступок: «ведь жена Шатковского старый немецкий агент, еще со времен первой войны. Она была женой Мясоедова, известного немецкого шпиона. Все понятно»²².

Уезжают они из Вильно в августе 1940 г. с чувством, что побег удался. Однако уже во время первой остановки в Крулевце, Клара переживает шок, когда видит пожилого мужчину с желтой звездой Давида на одежде. «Это было особое сотрясение, которое с ней случилось. Сотрясение иной категории, чем все которые знала до сих пор. Те можно было причислить к ужасам, происходящим вне нормального порядка жизни. Это же врывалось в самый нормальный образ жизни, происходящий на тротуаре нормального города. Как будто ничего не происходило. Вдали стояла готическая ратуша. Над ней плыли облака.

²¹ Там же, с. 565.

²² Там же, с. 622.

Сорвались голуби. Мужчина с седой бородой прошел мимо, и она увидела, что на лопатке его пальто пришита такая же звезда. Она как бы начала понимать то, чего не могла понять из выводов мужа: о новом времени, о людях, подвергаемых исключительно коллективным формам классификации...»²³. Когда Вильно занимают гитлеровцы, Шатковские думают о возвращении в город. Но узнают о том, что там свирепствует террор. Им может грозить приговор со стороны польского подполья, в глазах которого они были бы, несомненно, немецкими агентами. Весть о формировании в СССР армии генерала Андерса еще более углубляет отчаяние Шатковского. Он воображает себя солдатом польской армии.

Во второй половине 1943 г. Шатковские переезжают в Дрезден. Они надеются, что после поражения гитлеровцев город оккупируют союзники. Но в конце 1944 г. они понимают, что город займет Красная армия. Перед приближающимися советскими войсками в город прибывает около миллиона беженцев. «Как в давние времена тянулись по дорогам кони, покрытые полотнищами экипажи, привязанные к повозкам коровы, а рядом шли люди, толкая тачки и таща за собой ручные тележки. В толпе уходящих немцев были перемешаны отдельные телеги или целые таборы восточных народов, немного с Кавказа и с Дона, Чира, Донца и Днепра; с Украины, из Белоруссии, Литвы, с Волыни и Галиции, со всех сторон бывшего Великого Княжества Литовского, жители которого в отличие жителей бывшего Польского Королевства, уходили от большевиков»²⁴.

Шатковские решают бежать в Швейцарию, но для этого им нужны были «левые» паспорта. За паспортами Клара едет в Прагу. Получает их там с опозданием (кто-то ее узнает как госпожу Мясоедову) и опаздывает на поезд в Дрезден...

На дворе – 13 февраля 1945 года. Ночью над Дрезденом начинается операция «Clairion», самая массированная бомбардировка во время Второй мировой войны. В ней

²³ Там же, с. 628.

²⁴ Там же, с. 482. Этой теме посвящен роман Мацкевича «Контра». Долгое время в Польше об этом просто нельзя было говорить, а на Западе – считалось не удобным. Этот вопрос вновь стал обсуждаться в связи с публикациями о преступлениях Сталина – сначала вышли статьи о советских депортациях 1939-1940 гг. Юзеф Левандовский пишет: „Осенью 1939 года сотни тысяч людей уходили от немцев на восток (кстати говоря, сотни тысяч уходили из Советского Союза на Запад)” (*Письмо в редакцию “Res Publici”, 1988, nr 6, s. 143*). В первые месяцы 1945 г. беженцев было еще больше.

участвует 9 тысяч английских и американских самолетов. «В течение тридцати минут на город сброшено 3 тысячи осколочных бомб и 400 тысяч зажигательных фосфорных бомб». Три часа спустя сброшено еще 5 тысяч осколочных и 200 тысяч зажигательных фосфорных бомб: «жар от фосфора был так велик, что лопались глаза. Люди слепли еще перед смертью». С утра сброшено еще 2 тысячи осколочных и 50 тысяч зажигательных бомб. «Вонь жженого человеческого мяса, уже гниющего, разносилась в зависимости от направления ветра, на много километров от города. Согласно предварительным подсчетам в Дрездене ночью с 13-го на 14-го 1945 года убито от 350 до 400 тысяч гражданского населения. Только десять лет спустя цензурные тиски были ослаблены, и стало возможным писать о размерах и последствиях операции “Clavier”. А до тех пор в каждой из стран запрещалось писать по своей причине. В гитлеровской Германии для того, чтобы не сеять панику и пораженческие настроения. В СССР, чтобы не рассеивать внимание, сконцентрированное на преступлениях совершенных немцами в Польше и в Советском Союзе. В демократических странах, чтобы великих вождей [демократии] не заподозрить в отсутствии чувства чести, которая так высоко среди них ценится»²⁵.

«Русская тема, – как писал историк литературы А. Ковальчик, – сыграла в творчестве Юзефа Мацкевича важную роль. Русский мир был противовесом польского мира, освещал его и показывал с другой точки зрения, ставил под сомнение присущий нам полоноцентризм, а значит, расширял наши горизонты. Русские у Мацкевича зачастую знают больше, чем поляки, больше понимают, как бы наперекор существующим на Висле стереотипам. Несомненно, Мацкевич является писателем примирения, творчество которого поможет обоим народам понять, как они друг другу нужны»²⁶.

²⁵ *Sprawa pułkownika Miasojedowa*, op.cit., s. 649–659..

²⁶ А.Ковальczyk, *Temat rosyjski* w: М. Zybura (red.), *Nad twórczością Józefa Mackiewicza*, Warszawa 1990, w.100.